

куртизаны, кои утверждали, что Государь имеет право не только издать ныне новые Основные законы, но и изменять их по своему усмотрению. Более честные люди утверждали, что он должен иметь лишь инициативу в возбуждении вопросов об изменении Основных законов, но это самое изменение должно совершаться лишь в установленном законом порядке» (с. 514). Тем не менее в реформированном Государственном совете Половцов присоединился к правым (принадлежа к умеренной их части).

Ольга Белоусова: Россия рубежа веков в дневниках А.А. Половцова и гр. С.Д. Шереметева

Olga Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia):

Russia at the turn of centuries in A.A. Polovtsov and S.D. Sheremetiev's diaries

В истории императорской России лишь немногие государственные деятели на протяжении десятилетий регулярно фиксировали в своих дневниках события, происходившие с ними и вокруг них – в правительственных и придворных сферах. Ценность подобных источников исключительно высока, и они неизменно притягивают к себе исследователей эпохи. Неудивительно поэтому, что А.А. Половцов известен в наше время во многом именно благодаря своему дневнику – точнее даже, его фрагменту, изданному П.А. Зайончковским, охватывающему 1883–1892 гг. Половцов занимал тогда значимый в бюрократической иерархии пост государственного секретаря. Но и впоследствии, вплоть до своей кончины, Половцов, будучи одним из членов Государственного совета, оставался в числе наиболее осведомлённых сановников. Он председательствовал в Императорском Русском историческом обществе, заседал в Финансовом комитете и различных Особых совещаниях, при этом не без гордости замечая, что не стесняется произносить речи и участвовать в прениях. Несмотря на отказы от периодически делавшихся ему предложений занять ту или иную высокую должность – например, председателя Департамента законов или Департамента гражданских дел Государственного совета, – в 1905–1906 гг. он, тем не менее, привлекался к обсуждению реорганизации Совета министров и Государственного совета, к подготовке учреждения Государственной думы.

Между тем, конечно, покинув Государственную канцелярию, Половцов из творца правительственной политики превратился в её активного наблюдателя. Усиливавшиеся с возрастом болезни и обострявшаяся из-за этого необходимость надолго уезжать на лечение за границу, безусловно, выбивали его из круговорота политической жизни. Но это никак не сказывалось на обширных и глубоких связях Александра Александровича с особами Императорской фамилии, представителями столичного чиновничества и петербургского света, а именно они обеспечивали его влияние и роль незаменимого посредника между различными лицами и группами высшего общества.

Необходимость издания дневников Половцова 1893–1909 гг. была очевидна уже давно, и их публикация О.Ю. Голечковой стала в прямом смысле слова долгожданной. При этом исследовательница проделала колоссальную скрупулёзную работу, восстанавливая датировку и последовательность записей, сопоставляя их фрагменты, опубликованные в 1920–1930-х гг. в «Красном архиве», с тетрадями и машинописными копиями, хранящимися в ГА РФ. Существенным дополнением к дневнику являются включённые в него самим автором письма, тексты его речей и заметок, составленная им в 1895 г. записка по кре-

стьянского вопросу. В комментариях Голечкова активно использовала дневники Николая II, А.Н. Куропаткина, Д.А. Милютина, воспоминания С.Ю. Витте, А.А. Лопухина, А.А. Мосолова и т.д.

В своих записях Половцов обычно резко отзываясь о современниках, будучи предельно скупым на похвалу, за исключением, пожалуй, А.П. Извольского и кн. А.Б. Лобанова-Ростовского. Но, не разделяя взглядов С.Ю. Витте, В.К. Плеве, К.П. Победоносцева, Д.М. Сольского и других, ведя с ними подчас жёсткую полемику, Половцов, тем не менее, часто бывал их гостем и собеседником, подробно отражая затем эти беседы в своём дневнике. Любопытна оценка, данная ему Плеве: «Вы обращаетесь с людьми как с лимонами, кои бросают, выжавши из них сок» (с. 364).

Как справедливо отмечает Голечкова, записи Половцова – «это дневник именно государственного деятеля» (с. 9). В нём практически полностью отсутствуют сведения личного характера, о семейной жизни и детях упоминается вкратце, а о кончине близких говорится, как правило, всего несколько слов. Автор проводит строгое размежевание между публичным и частным. Более того, хотя Половцов известен как крупный коллекционер европейского и восточного искусства и редких книг, меценат, издатель, предприниматель, о его культурной и хозяйственной деятельности, коммерческих проектах и т.д. в дневнике сказано мало и глухо. Внимание автора сосредоточено почти исключительно на политике и придворной жизни.

Схожие черты имел и дневник гр. С.Д. Шереметева, хранящийся в РГАДА, но из-за крайне плохого, практически нечитаемого почерка автора знакомый исследователям в основном по фрагментарным публикациям. Граф Сергей Дмитриевич не занимал значительных должностей, однако в силу разветвлённых родственных связей, видного положения при Дворе и в великосветских кругах считался человеком, хорошо осведомлённым в правительственных делах. И действительно, ни одно крупное назначение не оставалось им не замеченным.

Как Половцов, так и Шереметев с неизменным любопытством отслеживали перестановки в правящих кругах, выясняя и фиксируя, как и под чьим влиянием они совершались (а иногда даже пытались воздействовать на принимаемые решения). При этом оба они подчас довольно резко оценивали как кандидатов на те или иные посты, так и тех, кому удавалось их занять (с. 127–137, 211, 215)¹⁰.

Но, несмотря на известное сходство содержания дневников Половцова и Шереметева, велись они совершенно по-разному. Как показала во введении Голечкова, Половцов составлял свои «журналы», пользуясь записными книжками с краткими заметками, которые впоследствии расширялись, дополнялись подробностями и существенно редактировались. Комментируя то или иное событие, он, как правило, чётко выражал собственное отношение к нему. Некоторые эпизоды им сознательно пропускались, другим, напротив, уделялось больше внимания¹¹. Тем самым дневник Половцова приобретал уже черты мемуаров.

Граф Шереметев впервые начал вести дневник в 50 лет, за несколько недель до смерти Александра III, и затем до конца своих дней ежедневно, чаще всего вечером перед сном, но никогда не на следующий день делал в

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 21; д. 5047, л. 44; д. 5049, л. 103.

¹¹ Голечкова О.Ю. Источниковедческие и археографические проблемы реконструкции дневника А.А. Половцова (1893–1909 гг.) // *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 8, 12–21.

нём записи, оставив 22 объёмных тома (каждый в кожаном переплёте, с металлическими застёжками). В дневник вклеивались телеграммы, полученные от императора или членов его семьи, письма от других особ Императорской фамилии, реже – визитки, фотографии, программы спектаклей. В отличие от Половцова, обычно описывавшего свои длительные заграничные путешествия уже по возвращении в Петербург, Шереметев всегда брал с собой в Европу очередной том дневника, даже в дороге не изменяя установленному правилу¹². Сделанные записи граф оставлял без изменений и правки, никогда более не возвращаясь к написанному.

Половцов и Шереметев в жизни не раз пересекались, но, будучи хорошо знакомы, не испытывали друг к другу особой симпатии. Шереметев считал Половцова выскочкой, человеком, который выгодно женился на воспитаннице барона Штиглица, а затем «очень благоразумно и умно пристроился к князю П.А. Вяземскому» при организации Императорского Русского исторического общества¹³. Граф также являлся активным членом данного общества с первых лет его существования и неоднократно выступал с научными сообщениями, подробно описывал в дневнике годовые собрания и далеко не всегда одобрял происходившие на них чтения. Так, 24 февраля 1899 г. он остался недоволен докладом В.И. Сергеевича об Уложенной комиссии 1767–1768 гг.: «Глумление над Екатериной и комиссией, невольное обвинение дворянства и сословного строя... Во всём заседании чувствовалась опять работа сложной интриги, антимонархической и антидворянской. Половцов же играл подлую роль»¹⁴. Половцов изложил случившееся иначе: «На этот раз заседание не проходит без маленького столкновения – первого в тридцатитрёхлетнее существование общества... По окончании доклада (Сергеевича) Бартенев весьма громко и бесперомонно сказал: “Это не история. Если это напечатать в газетах, то все это раскритикуют”. Я немедленно попросил Государя предоставить Шильдеру порученное ему чтение». В конце заседания Бартенев «опять весьма нахально обратился к Государю», попытавшись рекомендовать в члены Общества московского профессора Н.М. Павлова, но Половцов резко заявил, что это противоречит уставу (с. 230–231). По словам Шереметева, на состоявшейся вскоре аудиенции Николай II «продолжал перебирать эпизоды перебранки Половцова с Бартеневым». Со своей стороны, граф заявил, «что перебранка с двух сторон была неприлична, и добавил, что то, что происходило на глазах В[аше-го] В[еличества], – только отголосок других побочных счётов между ними, проникнувших в печать»¹⁵. Однако в своём дневнике Николай II ограничился сухой констатацией: «После обеда было заседание Исторического общества. Делали сообщение – Сергеевич и Шильдер»¹⁶.

Тем не менее, несмотря на взаимную антипатию, свои отношения Половцов и Шереметев никогда не прерывали. Половцов состоял членом возглавлявшегося Шереметевым Общества любителей древней письменности, на 25-летнем юбилее которого Александр Александрович даже присутствовал как

¹² Среди его путевых заметок встречаются подчас чрезвычайно интересные – например, описание его встречи с римским папой Львом XIII (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5047, л. 124–125).

¹³ *Шереметев С.Д.* Мемуары. Т. 1. М., 2004. С. 155.

¹⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 41 об.

¹⁵ Там же, л. 46.

¹⁶ Дневники императора Николая II. 1894–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 460. Любопытно при этом, что несмотря на все разногласия, мнения Половцова и Шереметева, например, о вел. кн. Николае Михайловиче полностью совпадали. Александр Александрович характеризовал его «как интригана и вообще не внушающего доверия человека» (с. 447), а граф Сергей Дмитриевич писал: «Этот человек – истинная язва, и близость к императрице Марии Фёдоровне – фатальна» (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5047, л. 13 об.).

учредитель. Шереметев бывал в особняке Половцова на Большой Морской. «Потом к Половцову, – сообщал он в дневнике об одном из таких посещений. – Говорили о современном положении в минорном тоне. Половцов очень минорен»¹⁷. Примерно в той же тональности писал и Половцов: «Приезжает ко мне с официальным визитом граф Шереметев. Молчит, улыбается и только» (с. 263).

Существовавшее между ними недоверие во многом было связано с разницей в их политических взглядах. Для Шереметева Половцов прежде всего – «представитель либерального бюрократического новшества, человек без преданий, без идеалов, чуждый всему русскому, непонятным путём занял то положение, которым пользовался лишь отрицательно»¹⁸. По-разному они оценивали и царствование Александра III. Шереметеву оно представлялось временем расцвета народного самосознания, воплощением русского идеала, которому полностью соответствовал и сам император. «Царствование Александра III отошло далеко, – сетовал он 22 июля 1905 г. – Всё сделано, чтобы его свести на нет. Если в чём есть последовательность, так это в вытравливании духа прошлого царствования, выбор людей особо Александру III не сочувственных, общая перемена его направления. Вот до чего дожили в это несчастное царствование, никакой уверенности в следующем дне. Самодержавие без Самодержца»¹⁹. Половцов же в 1906 г., напротив, с горечью осуждал политику покойного царя, который, «будучи человеком ограниченного ума и упрямого характера, стал коверкать законодательство Александра II, не понимая, что делает». Более того, «сына своего не воспитал, так что он, вступив на престол, под влиянием отцовских креатур продолжал действовать в их смысле, что не могло не привести нас к теперешнему положению» (с. 532).

При этом оба царедворца считали, что поведение особ Императорской фамилии дискредитирует династию и монарха. «Из членов... семейства, – писал Половцов, – большинство тянет в сторону своих личных выгод. А сколько-нибудь выше других стоящие, Владимир – по доброте, а Алексей – по уму, вследствие страсти к развлечениям окружены презренными и подозрительными личностями, так что не могут пользоваться влиянием. Всего более на Государя имеет [влияние] его дядя Сергей, но это в полном смысле дрянной человек, в душе коего нет единого возвышенного, чистого чувства. Другой влиятельный Государев родственник – Александр Михайлович, но это ребёнок, хотя и с добрыми намерениями, но не имеющий ни о чём серьёзного понятия, а потому представляющий в своих советах большую опасность» (с. 240).

Шереметев в 1897 г., когда начало работу Особое совещание по делам дворянского сословия, представил царю записку, в которой предлагал ограничить привилегии Императорской фамилии, уравнив князей крови с дворянством. 19 января 1898 г. император заверил графа, что полностью сочувствует его предложениям. Шереметев стал говорить, что они пригодятся «скорее в будущем, когда семья разрастётся за пределы семьи», но Николай II с ним не согласился: «Нет, – сказал Государь, – это не вопрос будущего, а настоящего, собственно это вопрос о сведении на нет, и теперь уже семья многочисленна... Но только нахожу, что рассматривать этот вопрос при теперешнем состоянии комиссии (император имел в виду Особое совещание по делам дворянского сословия. –

¹⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5045, л. 20.

¹⁸ Шереметев С.Д. Указ. соч. С. 489.

¹⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5050, л. 79.

О.Б.) неудобно. ... Это вопрос серьёзный, только для него нужен другой состав для обсуждения и при моём личном участии!»²⁰. Однако никаких последствий этот разговор не имел. Безрезультатной оказалась и деятельность Особого совещания. После скандальной женитьбы в 1902 г. вел. кн. Павла Александровича Шереметев с раздражением писал: «Уходит доверие и уважение, ко всему прибавляется “сектанство”, распущенность фамилии небывалая... Хорош я со своим наивным проектом об ограничении Императорской фамилии! Со мной проделали обычную комедию, при этом слабое понимание прав собственности и границ между своим “личным” и “государственным”, на чём так твёрдо стоял Александр III»²¹.

Сюжетные пересечения в записях Половцова и Шереметева позволяют лучше понять, казалось бы, проходные события и детали, подчас далёкие от большой политики, но на самом деле имевшие к ней самое непосредственное отношение. Подобных пересечений в известных дневниках того времени довольно много. Именно в них и видится основная ценность этих источников для изучения политической истории императорской России.

Маргарита Вандалковская: Как издавали дневник А.А. Половцова

*Margarita Vandalkovskaia (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences): How we published A.A. Polovtsov's diary*

Обсуждая публикацию О.Ю. Голечковой, нельзя не вспомнить о Петре Андреевиче Зайончковском, замечательном преподавателе Московского университета, ярком и незаурядном человеке, подготовившем первое научное издание дневников А.А. Половцова 1883–1892 гг. Я знала профессора Зайончковского ещё до поступления в университет. Мои родственники Гудковы были близкими друзьями Петра Андреевича и его супруги Ираиды Павловны. Часто Гудковы, Зайончковские и мои родители ездили на машинах по историческим местам: в Волоколамск, в Остафьево, в Серпухов, на Бородинское поле и т.д. Разумеется, инициатором этих поездок был Пётр Андреевич. Он увлечённо рассказывал об архитектурных памятниках и событиях прошлого. К этим поездкам иногда присоединялась и я, ученица средней школы.

Во время учёбы на историческом факультете МГУ я не была ученицей Петра Андреевича. Меня тогда интересовали проблемы общественной мысли и революционного движения, которыми он не занимался. Я с удовольствием и благодарностью училась в семинаре И.А. Федосова, но и с Петром Андреевичем установились добрые отношения. Он был щедр на общение и понимал возможность иных, чем у него, интересов, или просто проявлял снисходительность. Вместе с Федосовым, моим научным руководителем, и Петром Андреевичем (они жили в одном доме у Красных ворот и были в дружеских отношениях) мы шли на защиту моей дипломной работы. Пётр Андреевич всю дорогу шутил и говорил, что после защиты я, наконец, займусь внутренней политикой России.

После окончания университета я начала работать в Институте истории АН СССР в секторе источниковедения, которым руководил известный учёный и прекрасный человек Алексей Алексеевич Новосельский. Однажды к нам в

²⁰ Там же, д. 5043, л. 87.

²¹ Там же, д. 5047, л. 114.